

М. О. Шабанов

аспирант кафедры политологии ИСН

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

ул. Центральный аэропорт, 9/17, г. Одесса, 65036, Украина,

тел: 7616227, 0501410868, e-mail: MishaShabanov@rambler.ru

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В ДИНАМИКЕ ТЕНЕВЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

Антропологическая доминанта — исключительное значение родовой природы человека в динамике теневых политических процессов. В свою очередь политико-антропологические типы очерчивают практически весь комплекс возможных перспектив политической системы как негативных, так и позитивных. Только изучая реальный потенциал человека как субъекта теневого политического процесса, возможно составить представление о динамике последнего. Прийти к данному выводу позволяет абсолютная тождественность человека политического человеку, обладающему реальной властью.

Ключевые слова: антропологическая доминанта, человек политический, динамика теневого политического процесса, бюрократ, политический преступник.

Антропологическая доминанта в динамике теневых политических процессов

Актуальность данной проблематики обусловлена, прежде всего, исключительностью той роли, которую выполняют в современном мире субъекты теневых политических процессов. Особое понимание концепта политического развития и динамики обуславливает своеобразный выход за пределы легитимизированной системы межсубъектных связей в политике. Сращивание теневой экономики и политики с другими социальными сферами, кланово-мафиозная капитализация, дисфункциональность государства в этих процессах и т. д. создает небывалый социально-политический прецедент, исключительный в собственной реализации на практике и рассмотрении в теории. Особое измерение влияния человеческого фактора продуцирует непредвзятый интерес политического исследователя. Первостепенная важность изысканий в данном направлении предполагает поиск доказательств в пользу не аномальности и паталогичности, а скорее, объективности антропологических начал в динамике теневых процессов.

Проблема развития теневых политических процессов в целом является одной из наиболее обсуждаемых и дискуссионных. В этой связи, безусловно, интересны работы российских авторов. Так, в частности, в данном направлении особенности проблематики тенефикации российской политики рассматриваются Воротниковым В. П. Соответствующие акценты в рассмотрении автор расставляет с учетом глубокой взаимосвязи между политической,

экономической и юридической сферами «в тени» [1]. В этом направлении интерес так же представляют работы Рывкиной Р. В., для которой, по сравнению со сферой экономической, все остальные сферы социального бытия в определенной мере являются вторичными, то есть теневая экономика рассматривается как источник теневых социальных процессов [2]. Частично разрабатывается данная проблематика и украинскими авторами: Дорошенко А., Долженковым О. А., который, в частности, рассматривает феномен административно-экономических кланов на украинской почве [3]. Однако, безусловно, не хватает постановки данной проблематики в политико-антропологическом ракурсе. В этой связи исследования носят откровенно дискретный, фрагментарный характер. В частности, таковыми являются работы большинства современных политологов и политических антропологов, не обладающих, однако, способностью к парадигмальному видению.

Объектом в данной публикации являются теневые политические процессы.

В свою очередь предмет публикации — антропологическая доминанта в динамике теневых политических процессов.

Цели: 1) обоснование роли антропологических начал в динамике теневых политических процессов; 2) определение антропологической доминанты; 3) характеристика задействованных в данных процессах основных политико-антропологических типов и моделей-психотипов человека политического; 4) характеристика результатов антропогенного влияния на динамику теневых политических процессов.

Работа предусматривает несколько основных дискурсов в рассмотрении предложенной проблематики: политико-философский, политико-потестарный и политико-биологический. Для простоты анализа они объединены в единый комплексный подход, тем самым мы подчеркиваем единство политико-антропологического измерения как такового. В рамках политико-философского дискурса рассматривается потенциал человека политического, характерной особенностью включения которого в политический процесс как такового является изначальная направленность на продуцирование политических отношений как таковых, то есть борьбу за власть во всех ее проявлениях. Исходя из вышеизложенного, человек политический для нас всецело тождественен человеку власти. Антропологическая доминанта — исключительное значение родовой природы человека в развитии теневых политических процессов. Определяющими структурными элементами родовой природы человека политического является в том числе свобода выбора и инстинкт самосохранения (свойственный любому биологическому виду, но в подобном случае выступающий в качестве своеобразного естественного ограничителя в политической деятельности), который явственно проявляет себя в политических процессах различного порядка. Проводя естественную грань между двумя противоположными типами политических процессов, необходимо отметить, что «теневой политический процесс в противовес открытому основывается на публично не оформленных институтах и центрах власти, на не легализированных и не признанных обществом структурах» [4, с. 316]. Продуцируя властные от-

ношения, человек политический неизменно выстраивает для себя возможность свободного их распространения, которое полностью либо частично не контролируется официальными структурами, выходит за отведенные формальные границы политической сферы, определенные законом, а соответственно, обществом и государством. Как таковые границы подобного характера, носящие искусственный характер, играют роль лишь внешних ограничителей. Фактическое пространство человека политического невозможно ограничить, так как в данном случае присутствует лишь интенция на его естественное расширение и увеличение самой возможности разноректорного действия. Немаловажно также принять тот факт, что тот или иной антропологический тип, действующий в качестве субъекта теневого политического процесса обладает определенной степенью самодостаточности по отношению к политической системе, которая обуславливается пространственной составляющей и ее характеристиками. В частности, каждый человек политический непосредственно оказывает влияние на собственное индивидуальное пространство. Теневые политические процессы поверхностно затрагивают практически всех Homo politicus по мере развития, так или иначе проходя через индивидуальное пространство каждого. Кроме того, задействованные в ходе разворачивания данных процессов субъекты обладают большей свободой для осуществления определенных действий. В то же самое время существует и определенный парадокс: пространство распространения теневых политических процессов является замкнутым и принадлежащим ограниченному числу акторов. Это в свою очередь означает, что лишь избранные субъекты обладают возможностью влиять на ход событий, устанавливая правила взаимодействия и отслеживая закономерности развития. То есть закономерно существует дифференциация между типами политически активных индивидов, и отдельные выполняют роль координаторов контролируемого пространственного участка и инициаторов выработки или «вброса» инноваций различного порядка. Сама необходимость ухода в тень обусловлена, прежде всего, ненадлежащими сопутствующими условиями различного порядка. В частности, следует принимать в расчет деятельность разветвленного бюрократического аппарата, замкнутого на удовлетворение преимущественно собственных, подчеркнута кастовых потребностей. Особый политико-антропологический тип чиновника-бюрократа является центром распространения импульсов, необходимых для поддержания жизнедеятельности параллельно действующих теневых институтов. Бюрократ обладает и характерными чертами. В целом они приобрели достаточно широкую известность, и их формирование имеет под собой объективную почву. Так, в частности Василевская Т. отмечает: «Демонстрация государственным служащим собственной незаменимости, мания величия часто обуславливаются перенесением признаков социальной роли на собственную личность» [5, с. 385]. Примечательно следующее: возникает корпоративность административной элиты, где коллективные привилегии и круговую поруку можно рассматривать как признаки существующей замкнутости в этой среде [5]. Отечественные реалии так же находят объяснение: «В цивилизационном аспекте — украинское общество

в социальной и политической сферах формировалось как государственно-олигархическая система, тип общественной системы, который не опирается на интересы народа и страны в целом, а ориентирован на собственные интересы и нужды с помощью государственной бюрократии различного уровня» [6, с. 395]. Автор делает акцент на роли института политического лидерства, тем самым подводит нас к необходимости противопоставления, по крайней мере, двух антропологических типов, непосредственно оказывающих влияние на контекст развития теневых процессов в политике. Дихотомия данных типов обоснована их фактической равнозначностью в практическом измерении. Анализ сущности, природы и некоторых аспектов деятельности бюрократического аппарата, в частности, очерчивает целый ряд причин развертывания политических процессов в «тени». Примечательно, что природа таких процессов и, соответственно, подобной активности, основываясь на получении выгоды, будет иметь, прежде всего, однозначную политико-экономическую основу. Благодатную почву создает исключительность влияния, которое оказывают те или иные перемены в структуре соотношения конкретных властных функционеров на высшем уровне. Не последней причиной выступает и потеря доверия собственным представителям официальной власти, в том числе и к конкретным представителям правящей элиты, которая фактически обременена ответственностью за выполнение комплекса данных обещаний и принятых в этой связи решений. В рамках политико-потестарного дискурса следует отметить, что клановая система, мафиозные структуры, в целом теневые центры представляют в свою очередь благодатную среду для формирования особых властных отношений, а следовательно, и стандартизированного типа человека политического. Принципиальным здесь остается тот факт, что в зависимости от цивилизационной принадлежности они могут представлять собой либо атомизированные, либо монолитные образования в зависимости от нескольких основополагающих моментов: во-первых, от степени свободы перемещения из одного теневого образования в другое; во-вторых, от характера реальных отношений, складывающихся между индивидами-участниками внутри сообществ и особенностей их регламентации; в-третьих, от отношения к чужакам, возможности их привлечения с последующим включением в свои ряды, то есть фактически от принципов интеграции. К атомизированным можно отнести кланово-мафиозные образования на Западе, частично постсоветском пространстве, а точнее — большинство нелегальных образований России, Украины и Белоруссии, которые образовались без явной этнической доминанты. К монолитным (цельным) мы относим теневые структуры в традиционных сообществах, где демократические институты являются скорее надстройкой реально существующих, исторически сложившихся социальных и политических отношений. Родоплеменные и кровно-родственные отношения превалируют в теневых сообществах, и динамика процессов в политике находится в прямой зависимости от соотношения сил у ведущих мафиозно-клановых структур, разделяющих в первую очередь существующее политическое пространство.

Развертывание латентных политических процессов несет в себе потенциальную опасность для официального политикума. В деятельности официальных институциональных образований возникает определенная скрытая угроза — дегуманизация вследствие высокой степени внутренней технологизации. И в качестве результата возникает то, что условно можно определить как политико-антропологический коллапс — нигилизация роли человека как субъекта легального политического процесса, государственного управления и внедрение неосязаемой системной абстракции вне пространственно-временного континуума и ментального антропоидного начала. То есть индивид фактически лишается своего статуса и технически взаимозаменяем на другого более или менее способного в зависимости от конъюнктурных потребностей системно-политического образования. Определенным образом изменяются акценты в непосредственном политическом участии индивида, усиливается контроль со стороны отдельных социальных и политических образований, которые действительно имеют вес в политической системе. В частности — различных провластных мафиозных формирований. Отрицание ментального антропоидного начала в данном случае означает: 1) отрицание его личных сознательных установок; 2) отрицание установок его культурной и этнической принадлежности. Индивид утрачивает способность к развитию, соответственно, не обновляется и сам политикум. Исключительное значение в развитии данных процессов имеет соотношение индивидуальной инициативы отдельного человека политического и в целом системной инициативы, направленной, прежде всего на собственное сохранение и расширение за счет в том числе проникновения в новые сферы социально-политического бытия, предоставляющие возможности для развития. Взаимопроникновение и в общем взаимодействие в данном ракурсе может привести, на наш взгляд, к двум тенденциям: первая заключается в консервации существующего порядка соотношения; вторая направлена на деконсервацию и выведение на поверхность из тени некоторых аспектов ранее скрытой активности — процесс, не имеющий ничего общего с демократизацией, поскольку реально не влияющий на положение дел в замкнутом пространстве межличностного и корпоративного взаимодействия вследствие отсутствия перспектив для развития, а соответственно — и интереса. В связи с этим реальный, а не фиктивный выход из тени отдельных активных субъектов с последующим изменением вектора общей направленности их деятельности невозможен при существовании определенных проблем в развертывании официальных политических процессов. То есть пребывание их вне формальной плоскости закономерно. Акцентируя внимание на особенностях динамики теневых политических процессов на отечественной почве следует подчеркнуть, что во-многом они детерминируются переходным периодом от реально существовавшего человека советского (*homo soveticus*) к идеальному человеку демократическому (*homo democraticus*) [7] в отдаленной перспективе. Принципиальным остается тот факт, что для первого теньевая сторона политического процесса представляла собой объективированное поле деятельности (как формальной, так и фактической) и многократного взаи-

модействия. Второй — есть продукт идеологии и в целом цивилизации демократического Запада в историческом и социокультурном контексте. Сам по себе же политико-антропологический тип отличается высокой степенью преемственности и стабильности в базовых свойствах и тем более в приобретении новых. Поэтому форма изменяется динамичнее самого содержания. Решающую роль в данной трансформации играют, прежде всего, представители высшей власти в государстве, поскольку именно благодаря им выкристаллизовывается идеальный политико-антропологический тип, находящийся в динамике. Немаловажно так же учесть экономическую функцию распределения материальных благ (так называемую власть-собственность), которая ими осуществляется и приводит в действие механизмы привлечения «посторонних» и их последующей адаптации с приобщением к соответствующим культурным нормам и образцам. То есть соответствующие «подарки» чужаку часто служат не только знаком заинтересованности в нем, но и своеобразным способом распознавания необходимых клану характеристик в результате целого набора правильных реакций с его стороны. Российский философ Александр Александрович Зиновьев, анализируя особенности советского общества, в частности, отмечал, что «вокруг главных фигур в системе власти на всех ее уровнях складываются своего рода мафии, фактически играющие роль аппарата сверхвласти или его части. В эти мафии попадают не только лица, занимающие высокие государственные или партийные посты, но и лица, таких постов не занимающие, родственники и другие лица, близкие и полезные упомянутым фигурам» [8, с. 329]. Зиновьев подчеркивает, что для любого человека как члена социума свойственен так называемый экзистенциальный эгоизм [9]. В свою очередь нам необходимо добавить — для человека, наделенного высшей реальной властью, свойственен подобный эгоцентризм и отсутствие всякой демократической направленности. Исходя из этого любые попытки приобщения *homo politicus*, как субъекта того или иного теневого политического процесса, к демократическим ценностям невозможны, поскольку противоречат сущностным характеристикам носителей реальной власти. Тем более говорить о демократизации априорно неверно — вся система данной формы властных отношений является частично либо полностью скрытой. Это теневая сторона государственной и политической власти, которая действует во многих аспектах автономно и авторитарно. В пределах пространства, называемого нами политическим пространством реальной власти, не существует равенства как такового. Принципиальным отличием данного типа от пространства человека политического является возможность распространения его не только на активных акторов различных политических процессов, но и практически на представителей всех общественных страт, которые вовлекаются в него по тем или иным причинам и принципам. Возможно, констатировать наличие лишь жесткой либо менее жесткой конкуренции за место в иерархической пирамиде неформальной власти и влияния на власть формальную. Официальная власть, укрепляющая бюрократический аппарат и репрессивные органы, рискует способствовать ослаблению политических

институтов, деградации парламентаризма и как результат — возвращению к иерархичному социуму. В таком случае усилится влияние представителей центральной власти. Динамика подобных процессов при экономической катастрофе ослабляет активность партий и, в большей мере, существующим формированиям властного бюрократического центра будет выгодно продвигать на высшие административные посты крайне ограниченное число доверенных лиц [10]. Конкуренты за влияние на формальную власть осуществляют так же действия, направленные на явление, называемое нами «борьба за мускулы» на различных уровнях, то есть за очаги власти преимущественно официальной, способные применять, прежде всего, реальное физическое насилие как в рамках закона, так и вне его, против политических оппонентов. Правила существования складываются по мере развертывания борьбы между субъектами. Каждый несогласный адекватен врагу. Подобное в различной мере свойственно любой политической системе и не является исключительным свойством восточных обществ, восприятие которых научным сообществом в данном контексте построено на многоуровневой системе стереотипов. Единственное, что отличается в обществах с различной цивилизационной культурной основой, — это особенности и скорость смены части одной теневой элиты на другую и, конечно, степень влияния всего этого в целом на политико-процессуальную плоскость развития, естественно, находящуюся в постоянной динамике. На наш взгляд, человек политический и на Западе, и на Востоке имеет практически идентичные родовые признаки, что продуцирует общность в индивидуальной латентной политической деятельности; вариации в связи с цивилизационной принадлежностью относятся скорее к динамике групповой деятельности и ее оформлению. Необходимость рассматривать данное явление предметно позволяет нам говорить о существовании теневого неформального центра власти обладающего собственным бюрократическим аппаратом, более эффективным и подвижным, чем тот, которым обладает власть, носящая официальный, то есть легальный и легитимный, узаконенный в системе характер. Мы применяем термин бюрократический аппарат для несколько упрощенного восприятия сложившегося образования. На самом деле, развитие рассматриваемых нами политических процессов инициируется, по сути, неоднородным системным образованием, которое имеет как характеристики определенной динамики собственного развития, так и в несравнимо большей степени — статичные. Статичность проявляется в интересах большинства из составляющих данное образование индивидов, которые не проявляют себя как политически активные субъекты, однако оказывают известную степень давления на весь спектр принятия и особенно реализации тех или иных политических решений. Институционально подобная ситуация является достаточно опасной и непредсказуемой. Утрачивается реальный источник продуцирования легальной власти. Либо мы вынуждены констатировать, что источник власти оказывается легко заменяем на практике. И подобная замена может осуществляться по потребности мафиозных формирований, чья власть определена и централизована. В реальной ситуа-

ции не возникает необходимость в существовании источника легальной власти, то есть — он абсолютно или частично дисфункционален и фактически тем самым делегирует свои полномочия и в известной степени стимулирует динамику альтернативных теневых центров. Фактическое вручение реальной власти выдвигает на передний план еще одну особенную плоскость антропологического измерения теневого процесса, то есть рассмотрение политической преступности как явления. На современном этапе по данной тематике особый интерес представляют работы российского ученого Кабанова П. А., активно разрабатывающего различные аспекты личности политического преступника [11]. Политико-антропологический тип преступника в данном ракурсе требует комплексного анализа, ведь зачастую это неоднородный феномен, который не идентичен традиционному пониманию в обществе. Политический преступник, безусловно, представляет собой человека политического. Принципиальным является, прежде всего, неоднозначность его положения в политическом пространстве, а следовательно — степень и характер, природа «разрыва» между ним и активными субъектами официального политического процесса. Определяющим является, прежде всего, априорное целеполагание, часто врожденное, подобного Номо *politicus* на продуцирование преступной деятельности, которая обладает собственной спецификой и, что немаловажно, — привлекательностью. Ее осуществление предполагает изначально большую выгоду и возможности для экспансии на легальный уровень политикума впоследствии. Теневая преступная деятельность в политике ценна, прежде всего, предоставлением ресурсов для ведения конкурентной борьбы — в свою очередь как скрытой, так и полностью открытой для общего мониторинга и аналитической работы со стороны. На наш взгляд, она обладает абсолютной проникновенностью: проявления политической преступности возможно выявить практически на всех уровнях политикума. Феноменом, предоставляющим особую направленность динамики преступной деятельности, в полной мере возможно считать и террористическую деятельность, чаще всего выражающую скрытую, но естественную для родовой природы человека политического, агрессию по отношению к политическим противникам и немотивированную деструктивность, безусловно, как инстинктивное животное проявление. Распространение и усиление терроризма как перманентного социально-политического феномена во многом детерминировано глобализацией [12]. Мы же хотим подчеркнуть исключительную жизнеспособность подобного политического преступника и патологическую гиперактивность его в теневых процессах, где он весьма успешно использует экономические ресурсы, получая поддержку от различных центров власти как легальных, так и нелегальных. То есть объективно в динамике преступной террористической деятельности существенна роль человека экономического. Однако отличием является, на наш взгляд, исключительная активность, которая объясняется тем фактом, что ресурсную базу современного терроризма составляет молодежь, а точнее — молодые мужчины, находящиеся в поиске своей аутентичности, склонные к конфликтности и агрессии [12]. Можно констатиро-

вать тот факт, что возрастные особенности данной категории политических преступников обуславливают, прежде всего, вариативность террористической деятельности, а значит, появление гибридных политико-антропологических моделей в перспективе не уязвимых в целом перед государством и институтами гражданского общества.

Подводя общий итог исследования, необходимо отметить:

1. Выявление антропологических начал в политическом процессе заключается в поиске и сложении воедино всех проявлений так называемого «человеческого фактора». Немаловажным является признание самодостаточности человека как политического актора по отношению ко всем институциональным образованиям свободы политического выбора и целого ряда принципов, имеющих непосредственное политико-биологическое обоснование.

2. Антропологическая доминанта — преобладание родовых признаков и характеристик человека в динамике теневого политического процесса, который мы рассматриваем в качестве наиболее показательного для выявления антропогенного влияния. Давление официальных структур и институтов власти на человека политического, вторжение в пределы его индивидуального пространства функционирования способствует усилению динамики априорно недемократических потенций его родовой природы.

3. Динамика теневых политических процессов детерминирована, прежде всего, соотношением двух политико-антропологических моделей-психотипов чиновника-бюрократа и политического преступника. Вместе они представляют собой деструктивный элемент, обратную сторону легального политикума.

4. Указанные политико-антропологические типы очерчивают практически весь комплекс возможных перспектив политической системы как негативных так и позитивных. Следует подчеркнуть, что на постсоветском пространстве, данные модели адекватны пограничному переходному состоянию, в свою очередь, от человека советского к человеку демократическому. Касательно антропологической модели — психотипа «политический преступник» следует отметить: слияние с центральной властью, интеграция в ее ряды фактически нивелирует любые демократические преобразования и делает представителя данной модели преступника в принципе неуязвимым перед существующим законодательством. Немаловажную роль в исследуемой проблематике играет феномен, условно обозначенный нами — как реальная власть, которая характеризует политические процессы «в тени». Ее субъекты в зависимости от собственного положения (фактического статуса) координируют нелегальные процессы, а также инициируют внедрение различных функциональных нововведений, позволяющих сбалансировать особенную по целому комплексу критериев систему теневого политикума.

Правильное восприятие феномена теневой политики, производных процессов, а также политико-антропологических типов, задействованных в них и продуцирующих различные латентные институциональные образования, определяет степень правильности оценки того или иного явления

политическим аналитиком в теории и на практике. Кроме всего прочего, рассмотренные аспекты в принципе универсальны и могут иметь широкий спектр применения вне зависимости от целого ряда внешних факторов и детерминант.

Литература

1. Воротников В. П. Теневизация общества: особенности российского политического процесса / В. П. Воротников // Вестник Российского университета дружбы народов. — Сер.: Политология. — 2004. — № 1 (5). — С. 29–38.
2. Рывкина Р. В. Теневизация российского общества: причины и последствия / Р. В. Рывкина // Социс. — 2000. — № 12.
3. Долженков О. Тіньовий аспект політичних процесів в Україні: феномен адміністративно-економічних кланів / О. Долженков // Людина і політика. — 2000. — № 2. — С. 2–6.
4. Холод В. В. Політологія: Підручник / В. В. Холод. — 3-тє вид. перероб. і допов. — Суми: ВТД «Університетська книга», 2006. — 480 с.
5. Василевська Т. Елітарність бюрократії у контексті професійної етики / Василевська Т. // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України збірник наукових праць. — Вип. 32. — К., 2006. — 482 с.
6. Траверс О. Сучасні інтерпретації дослідження політичного лідерства / Траверс О. // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України, збірник наукових праць. — Вип. 32. — К., 2006. — 482 с.
7. Флиберг Б. Хабермас и Фуко. Теоретики гражданского общества / Б. Флиберг // Социологические исследования. — 2000. — № 2. — С. 127.
8. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность / А. А. Зиновьев. — М.: Центрполиграф. 1994. — 495 с.
9. Зиновьев А. А. Логическая социология: избранные сочинения / А. А. Зиновьев; составление Ю. Н. Солодухина. — М.: Астрель, 2008.
10. Дорошенко А. Організована злочинність як фактор політичного процесу / А. Дорошенко // Віче. — № 10. — жовтень 2000. С. 90–112. [Електронний ресурс] <http://www.inter.criminology.org.ua>
11. Кабанов П. А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): Монография / П. А. Кабанов. — Казань: ЗАО «Новое знание», 2006. — 360 с.
12. Сундиев И. Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы: Монография / И. Ю. Сундиев. — М.: ВНИИ МВД России, 2008. — 114 с.

М. Шабанов

кафедра політології, Інститут соціальних наук,
Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
вул. Центральний аеропорт, 9/17, м. Одеса, 65036, Україна, 761-62-27,
8 050 141 08 68. E-mail: MishaShabanov@rambler.ru

**АНТРОПОЛОГІЧНА ДОМІНАНТА В ДИНАМІЦІ ТІНЬОВИХ
ПОЛІТИЧНИХ ПРОЦЕСІВ**

Резюме

Антропологічна домінанта — виключне значення родової природи людини в динаміці тіньових політичних процесів. В свою чергу політико-антропологічні типи окреслюють практично весь комплекс можливих перспектив політичної системи як негативних, так і позитивних. Тільки вивчаючи реальний потенціал людини як суб'єкта тіньового процесу, можливо скласти уявлення щодо динаміки останнього. Прийти до цього висновку дозволяє абсолютна тотожність людини політичної людині, яка має реальну владу.

Ключові слова: антропологічна домінанта, людина політична, динаміка тіньового політичного процесу, бюрократ, політичний злочинець.

M. Shabanov

Department of political sciences ISC ONU named after I. I. Mechnikov
Central Airport str., 9\17, Odessa, 65036, Ukraine

**ANTHROPOLOGICAL DOMINANT IN THE DYNAMICS
OF THE SHADOW POLITICAL PROCESSES**

Summary

Anthropological dominant — an exceptional value of generic human nature in the dynamics of the shadow of political processes. In turn, political and anthropological types outline almost the entire range of possible perspectives of the political system both negative and positive. Only by studying the real potential of man as the subject of the shadow of the political process may make representation on the dynamics of the latter. Come to this conclusion allows the absolute identity of political person with real authority person.

Key words: anthropological dominant, political man, the dynamics of the shadow political process, a bureaucrat, a political criminal.